

ФИЛОЛОГИЯ

ГОЛОС РАЗУМА И МИЛОСЕРДИЯ: К 100-летию Геноцида армян

М.Д. АМИРХАНЫН
ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова

В статье показано отношение мировой общественности к Геноциду армян и, в первую очередь, русских деятелей культуры, писателей, политических деятелей и дипломатов, в фундаментальном сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам».

Ключевые слова: Геноцид армян, Османская Турция, «Братская помощь...», русская поэзия, русская публицистика.

Историческая судьба армянского народа на протяжении веков сложилась весьма драматично. «Сквозь черные тучи, — замечает В.Я. Брюсов, — столько раз заволакивавшие горизонт армянской истории, сквозь грозную и душевную мглу, столько раз застилавшую жизнь армянского народа победно», проявилась жизнестойкость армянского народа. Поэтому мы, армяне, помним, что более ста лет тому назад Абдул Гамид Второй приступил к осуществлению давно вынашиваемой в Турции идеи уничтожения армян в Западной, подвластной Турции, Армении, начатой еще в конце 70-х гг. XIX в. и ранее. Мы помним также, что турецкий султан Селим первым в 1512 г. заявил, что в Турции должны жить только турки. И это через 65 после падения Константинополя в 1453 г., когда пришельцы турки завладели, по словам А.Н. Мандельштама, «дивным градом, достойным стать столицей мира... Получив господство над старинными культурными расами — греками, арабами, армянами, — продолжает бывший Первый Драгоман Императорского Российского Посольства в Константинополе, — над полным светлых жизненных сил славянскими народами, турецкий народ застыл... Он ничего не сделал для оправдания своего существования, он входил в жизнь других народов только потоками крови и слез» Вот некоторые (из сотен) свидетельства этого периода о погромах армян.

Корреспондент газеты «Таймс» Норман 24 августа 1877 г. писал: «Положение армян в стране, по которой прошла армия Исмила-паши, крайне бедственное. Из 122 деревень Алашкертской долины все, за исключением десяти, полностью разрушены... В Мушском округе некоторые деревни были разрушены, а многие жители вырезаны, город Баязет и окрестные селения удостоились той же участи. В большинстве этих мест мужчины, женщины и дети были убиты жестоким образом...».

О трагическом положении армянского народа в Турции сообщал 19 декабря 1880 г. послу Александру Нелидову и российский военный агент Филиппов. А 19 июля 1890 г. уже сам русский посол в Константинополе (Нелидов) писал

министру иностранных дел Гирсу: «Самым выдающимся событием в течение истекшей недели являются кровавые беспорядки, происходившие в воскресенье в Стамбуле, близ армянско-григорианской патриархии... Турецкие власти безумной подозрительностью и бестактным приложением мер строгости вызывают ненависть и враждебность армянского населения, очень значительного в столице и рассыпанного по всей Турции...». А вот и донесение русского генерального консула в Эрзруме В.Максимова послу в Константинополе Нелидову от 20 октября 1894 г.: «По полученным в последнее время сведениям турки истребили в Сасуне около 4000 армян...Турки свирепствовали в течение 25 дней и разрушили 30 деревень... Трудно передать словами неистовство воинов е.в. Султана. Они убивали младенцев, удовлетворив свои животные наклонности, беспощадно уничтожали девушек и женщин».

Не эти ли события нашли отражение в стихах русского поэта В.А. Шуфа (известен под псевдонимом Борей)?

«Всюду турки и армяне, / Всюду кровь, неравный бой. /Дмитрий видел как в тумане, /Смерть священника. Толпой. /Окруженный, на колени /Он упал, избит, чуть жив, /Точно в храме в час молений /Руки дрехлые сложив. /Турок в бранью непристойной, /Старика ударом сшиб, /И под палками спокойный, / Он, как мученик погиб. /Армянин, носильщик жалкий, / Робко жался в стороне, - /И его убили палкой, / Мозг разбрызгав по стене...»

В погромах 1894-1896 гг. в Турции по официальным данным было истреблено 600 тыс. армян и пушено по миру 500 тыс. человек, тысячи искалеченных, десятки тысяч разрушенных домов, сотни тысяч армян обнищавших или насильственно обращенных в магометанство. Свидетельством зверских погромов являются красноречивые слова жены паши армянского города Урмии. В беседе с мадам Элен – супругой профессора палеонтологии Кембриджского университета доктора Ж.Р. Гарриса – турчанка скаала, что она стала свидетельницей сожжения 3-х тыс. армянских женщин и детей в соборе г. Урмии: «Нужно иметь каменное сердце, чтобы не быть тронутой теми страданиями, которые перенесли христиане».

В этот период погромов армян германский Канцлер Вильгельм Второй приезжал в Турцию и, вместо оказания помощи пострадавшим армянам, он заключил соглашение о сотрудничестве с Абдул Гамидом, оказавшим Канцлеру высочайший прием и даже заранее отстроившим специальный особняк с роскошным восточным убранством для приема высочайшего гостя.

С целью оказания помощи пострадавшим в результате погромов 90-х гг. XIX в. армянам известный деятель культуры, историк, юрист, публицист, один из редакторов-издателей «Русских ведомостей» Г.А. Джаншиев (Джаншян) предпринял в конце 1896 г. в Москве издание литературно-научного сборника, известного под названием «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». Книга вышла в сентябре 1897 г. В сборнике принял участие цвет русской и европейской интеллигенции: писатели, поэты, ученые, общественные деятели, художники, историки К.Л. Бальмонт, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Ю.А. Веселовский, И.А. Айвазовский, В.В. Верещагин, В.А. Гольмстрем, Р.Р. Штапельберг, Ю.Диллон, Лепсиус, Ж.Лемерат, В.Ф. Миллер, А.Н. Веселовский, и многие, многие другие.

Выход сборника в тысячу страниц был явлением эпохальным. Положительные отзывы появились в печати. В частности, «Петербургские ведомости» писали: «Эта книга – симфония. Она полна поэзии, красок, идей, добра, труда и человеческого достоинства. Она властно проникает в душу, звучит в ней чудными аккордами и вызывает вдохновение. Этот сборник – одно из светлых явлений нашего времени, он – как бы энциклопедия, хрестоматия добра. Такая книга воспитывает».

В журнальной статье, естественно, нет возможности более или менее широко привести отклики на выход «Братской помощи...», поэтому мы ограничимся некоторыми выдержками. «Новое время» писало: «Русское общество не станет равнодушно отрицать стоны страдальцев чужих или своих, и у всякого найдется несколько рублей, которые он и отдаст с радостью, если только будет знать, что его трудовая лепта поможет накормить и одеть хоть бы одного из бесчисленной рати нищенствующих единоверцев». Это типичное для здравомыслящего человека проявление добра и желание протянуть руку помощи страждущему наблюдается и в наши дни.

На выход в свет «Братской помощи» откликнулся и «Вестник Европы»: «Заключительная часть книги содержит в себе потрясающий обзор турецких зверств и насилий над армянами за последние три года по свидетельствам очевидцев и по данным дипломатических документов».

Издание сборника не обошел молчанием и журнал «Мир Божий», в котором читаем следующее: «Горькое чувство начинает шевелиться в душе читателя, по мере того, как на страницах этой книги пред ним разворачивается ужасающая картина бедствий, обрушившихся на тихий, трудолюбивый, родственный нам по вере народ».

Актуальность и успех сборника, быстрая его реализация и настоятельная необходимость в помощи пострадавшим стали поводом и причиной повторного выпуска книги. Так, через пять месяцев, в январе 1898 г. вышло второе доработанное и дополненное издание. Статьи второго издания содержали новые данные об «урагане, пронесшемся над многострадальными армянами Турции».

В ответ на «великое зло», творимое в Турции в конце XIX в., два издания «Братской помощи» стали широкой демонстрацией сочувствия и осуждения жестокости человеческой. Армян убивали и грабили турки, а милосердие проявляли русские, англичане, французы, американцы и др. Милосердие, которое и на пороге XXI века осветило судьбы армян, когда жестокая ирония судьбы вынудила вновь пережить ужасы Сумгаита, Баку, Кировабада, чудовищные кровавые преступления, творимые в «советском Азербайджане», и это в дни, когда в дополнение к этой трагедии армяне пережили еще и трагедию вселенского масштаба – катастрофическое землетрясение. Братья турков по языку, крови и вероисповеданию, называющие себя азербайджанцами, не только издевались, убивали, грабили, высылали армян, как и прежде, теми же методами, что и в Турции, но и, повторяя турецкий опыт, «возродили» проклятое слово *беженец*, дав ему современное звучание. А блокада Армении Азербайджаном и Турцией вот уже почти четверть века не поддается здравому осмыслению. В канун 100-летия величайшей национальной трагедии Геноцида армян, когда около 50 стран уже признали и осудили геноцид армян 1915 г., остаются не

осужденными мировой общественностью злодеяния в отношении к армянам в Баку в 1905 г., в Шуши в 1918 г., в Баку в 1920 г. и, наконец, в наши дни (1988-1991) в местах компактного проживания армян в Азербайджанской ССР.

При изучении темы геноцида невольно напрашивается вопрос – почему 100-летие геноцида армян начинает свой отсчет с 1915 г. Ведь, как показывают многочисленные документальные свидетельства, геноцид начался намного раньше. Дело в том, что в апреле 1915 г. турки коварно, очередными своими ухищрениями, собрали более 300 человек – представителей армянской интеллигенции, цвет нации, и уничтожили их 24 апреля 1915 года, хотя мы, повторимся, знаем, что геноцид был и ранее, и продолжался вплоть до 1923 г. Правда, турки этого не признают и выдвигают всякие встречные небылицы, лишь бы ввести в заблуждение мировую общественность. Мы напомним современному турецкому правительству, почему 6 июля 1919 г. в Стамбуле трибунал вынес решение: «За вовлечение Турции в мировую войну и организацию **массовой депортации и резни армян** заочно приговорить к сметной казни главных преступников – великого визиря и министра внутренних дел Талаата, военного министра Энвера, морского министра Джемала, министра просвещения и генерального секретаря младотурецкой партии доктора Назыма». Нередко в Турции раздаются голоса о том, что никакого геноцида армян, дескать, не было, а шла война, и потери были не с одной стороны, что турки также имели жертвы, и т.д. Если это так, тогда для чего состоялся названный выше судебный процесс, организованный самими турками? Кого судили и за что приговорили к смертной казни бывших высокопоставленных чиновников и должностных лиц, причем, заочно? Этот факт, к сожалению, предан забвению нашими политиками, а жаль! И Обама желательно напомнить об этом, тогда, может быть, он не будет «тормозить» признание Геноцида армян Конгрессом США. Ведь 43 штата (из 50) США уже признали геноцид армян. И одной из первых была принятая 24 мая 1915 г. совместная Декларация Франции, Великобритании и России, осудившая геноцид армян. А что касается потерь Турции в первой мировой войне, то следует напомнить, что, в отличие от России, потерявшей на фронтах 2 млн. 300 тыс. убитыми, Германии (2 млн.), Австро-Венгрии (1 млн. 440 тыс.), Турция потеряла убитыми 550 тысяч! Но внутри страны турки уничтожили 1,5 млн своих сограждан армян. Эти цифры не включены в число потерь. «За рамками статистики остались многочисленные жертвы... физически истребленных национальных меньшинств, например, на Балканах и в Турции». Приговор указанного выше турецкого суда привели в исполнение армянские мстители. Согомон Тейлерян уничтожил в 1921 г. Талаата в Германии, Джемала в 1922 г. убили Петрос Погосян и Арташес Геворкян в Тифлисе, Энвер был убит Красной Армией в Средней Азии в борьбе с басмачами, а Назим по возвращении из Афганистана в 1923 г. был повешен в Турции за организацию террора против Президента Турции Кемала Ататюрка.

Мы привели лишь некоторые свидетельства лиц о событиях последней четверти XIX в. в Западной Армении. Вместе с тем, параллельно с официальными донесениями и информацией, в России распространялось осуждение геноцида армян в художественной литературе – прозе и поэзии.

История регистрирует факты независимо от волеизъявления личности. А творческое отражение действительности в литературе и искусстве всецело зависит от воли ее автора. Поэтому стихи, очерки, иллюстрации, рассказывающие о геноциде армян, имеют особый смысл и представляют особую ценность, поскольку это не что иное как протест и крик души не только автора, но и историческое летописание, написанное по древним канонам древнерусской книжности. Важна причина, побудившая русского автора откликнуться на трагедию другого народа. В этом смысле их значимость, скорее, фактографическая, с политическим звучанием, поскольку в основе произведений не художественный вымысел, а события увиденного и переживаемого из «живой» действительности. Авторы самых разных литературных направлений и течений, разного дарования и степени известности своими сочинениями утверждали назначение литературы и культуры. Это гуманное и благородное дело – передать в своем слове грядущим поколениям осуждающие картины первобытной человеческой жестокости.

О событиях конца XIX – начала XX вв., геноциде армян писали В.Брюсов, С.Городецкий, К.Бальмонт, А.Кулебякин, Ю.Верховский, Е.Алексеева, Е.Сырейщикова, К.Саянский, Х.Бахчисарайцев и многие, многие другие. Каждый из них внес свою лепту в дело отображения армянской действительности в русской художественной литературе, поэзии, в дело расширения гуманистического характера русской литературы.

Война России с Турцией в 1914-1916 гг. привела в Армению генерала русской армии А.П. Кулебякина. Освободительная миссия русского солдата в этой войне вновь проявилась в исторических судьбах армянского народа. 8 января 1916 г. Кулебякин благодарил судьбу за то, что она ему «дала возможность увидеть» эту прекрасную, хотя и разоренную, страну, ее гениальные творения зодчества, «овеянные дыханием неразгаданной красоты», мужество изнуренного народа.

Пять месяцев пробыл Кулебякин в Западной Армении, в г. Ване (с ноября 1915 по март 1916 г.). «Невыразимо тяжелое настроение, — пишет он, — навевает этот дотла разоренный, насыщенный смертью край, но природа его скрашивает даже ужас запустения и гибели. Красота синего озера Вана в серебряной рамке запорошенных снегом гор, прозрачность вод, ясность неба, чистота воздуха и богатство солнечных красок очаровывают душу каждого наблюдателя. Везде отпечаток величия и древности. И развалины, развалины без конца».

Кулебякин как полководец русской армии оказал немалую помощь угнетенным армянам, а как поэт он издал в «пользу пострадавших от войны» армян свои поэтические сочинения.

«Темна история армян – / Не все дошли до нас преданья. / Но горы, где си- неет Ван / Доныне полны обаянья. / И наслоение веков / Живут бессмертными следами / В легендах древних уголков, / Укрытых мирными садами...»

Во время недолгого пребывания Кулебякина в Ване проявились его незаурядные способности поэта. Чтобы в короткий срок обработать и написать поэму «Давид Сасунский» и цикл стихотворений (21 стих) о городе Ване, его жителей, их борьбе, природе и любви, и развернутые примечания к ним, нужно

было обладать поистине огромным поэтическим даром. Ведь генерал, кроме творчества, занимался и своими прямыми обязанностями: шла война, генералу должно было быть не до поэзии. Однако творческое вдохновение позволило А.Кулебякину-поэту перенести свои переживания на бумагу, оставить для грядущих поколений увиденное и пережитое, красивое и трагическое, радостное и печальное.

Поэт был в Западной Армении в самые трагические дни истории этого края. Являясь свидетелем геноцида армян в 1915 г., когда боль и трагедия одного стала всеобщей болью и трагедией, А.Кулебякин глубоко и сочувственно воспринял ужасную судьбу зверски истребляемого народа. 6 сентября 1915 г. газета «День» по поводу происходящих событий в корреспонденции «Из дневника турецкого врача» писала: «...Недавно здесь получена телеграмма от генерала Ч., отряд которого остановился возле Вана, но в город не мог войти вследствие трупного смрада. В телеграмме, между прочим, сказано: “Город Ван весь в развалинах. Лучшие постройки сожжены, а глинобитные разрушены. Улицы и дворы усеяны трупами армян и животных. Имущество разграблено и растаскано”. Это стихи о городе Ване, его жителях, природе, архитектуре, озере Ван, разорениях, героической борьбе и страданиях этого народа. «Нужно много времени и труда, — пишет А. Кулебякин, — чтобы восстановить мирную жизнь в этом сожженном крае, но история отметит пережитую кровавую эпоху величественными чертами. “Ван” уже много говорит тем, кто любит и знает историю...».

В стихотворении «Старый Ван» Кулебякин нарисовал картины, типичные для разоренных армянских городов, показал развалины старого города Вана, разрушенного, оскверненного и опустошенного турками, запечатлел издевательства над человеком: «И трупы собак, черепа и тряпье, /И в лавках обломки товара. /Безлюдье и ужас. Пустое жилье. /Следы грабежа и пожара. / Там кости людей на навозе гнилом, /Там кучи разрытого хлама, /Там тесный проулок, открытый пролом /И стены армянского храма. /Кой-что уцелело. Кой-где серебром /Иконы белеют в уборе. /Но Господи! Господи! Что за разгром! /Какое ужасное горе...».

Другой известный русский поэт Сергей Городецкий в 1916 г. как корреспондент газеты «Русское слово» приехал в Тифлис. Здесь он обратился в общество «Союз городов» с просьбой отправить его на фронт. Ему предложили поехать в Западную Армению, в г. Ван. Городецкий знал о происходящих там событиях, но отчетливо не мог вообразить всю глубину и масштабность чинимого турками зла и не представлял, что он должен был там делать. Счастливая случайность свела его с уже известным в те годы поэтом Ованесом Туманяном. «В толпе собравшихся хлопотал худощавый высокий человек, принимавший активное участие в создании условий для отъезжающих в Ван на помощь беженцам». Узнав, что это был известный армянский поэт Ов. Туманян, С.Городецкий обратился к нему:

«— Я еду в Ван. Я — поэт Сергей Городецкий.

— Мы знаем Вас... В Ван? Трудная дорога, трудное дело. От «Союза городов»? Что собираетесь делать?

— Не знаю.

– Собирайте и спасайте детей. Они там бродят, живут в развалинах. Одичали. Организуем приют».

Вечером Ов.Туманян пригласил С.Городецкого к себе домой. Увлекательная беседа об Армении, как признавался позже С.Городецкий, надолго запомнилась ему. Туманян рассказывал о гонимом смертью своем народе, который желает жить в мире и верит в помощь русских. Много говорил он и о назначении поэзии и высоком призвании поэта. Говорил о трудном пути поэта. В частности, он сказал: «Вы – поэт. Вы едете в разоренную древнюю родину Армении. Напишите про нее. – Я хочу, но я ничего не знаю. – Вы – поэт. Поэзия и есть познание жизни. Иначе она не нужна. Вы увидите жизнь страшную, жизнь народа на краю смерти. Напишите про то, что увидите, – это и будет поэзия...». Потом, в кругу гостеприимной семьи, Туманян произнес первый тост за дружбу Армении с Россией. Спустя время, вспоминая теплоту семейного очага и сердечную беседу, Городецкий написал: «Я ушел с этого вечера потрясенный и окрыленный, – мой путь стал ясен мне». Через несколько дней, 13 апреля 1916 года, С.Городецкий написал и принес Туманяну стихотворение «Армения», которое, нам кажется, было исповедальным и стало программным в дружбе Городецкого с Арменией. В стихотворении поэт как бы заглянул в самого себя и мгновенно, на одном дыхании излил свои переживания в трогательном стихотворении. Вот две строфы: «Как перед женщиной, неведомой и новой, /В счастливом трепете стою перед тобой. /И первое сорваться с уст боится слово, /И первую смущаются глаза мольбой. /Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью, /Друг другу золотые двери отворить. /Армения, звенящая огнем и кровью! /Армения, тебя хочу я полюбить! /Я голову пред древностью твоей склоняю, /Я красоту твою целую в алые уста. /Как странно мне, что я тебя еще не знаю, / Страна – кремень, страна – алмаз, страна – мечта!...».

Плененный Арменией и потрясенный ее горем, Городецкий «вжился» в армянскую действительность и описал ее в стихах, очерках, романе, публицистике. Строка «И воскресенья весть услышать над тобой», как и идея всего стихотворения «Армения», тесно переплелась с идеей другого его стихотворения – «Россия», написанного несколько позже. Он знал, что Россия запела «о воле, братстве и любви к народам, гибнувшим в крови».

Стихотворение «Армения» стало вступлением к вышедшему в 1918 г. в Тифлисе сборнику С.Городецкого «Ангел Армении», который автор преподнес О.Туманяну с дарственной надписью: «Вам, светлый друг, я посвятил эту книгу не только потому, что я до корня сердца очарован вашей личностью, но и потому, что ваше имя – это идея, прекрасная идея армянского воскресения в дружбе с моей родиной».

В тяжелые дни первой мировой войны Городецкий, как и многие другие русские деятели, встал на защиту Армении, оказывал посильную помощь пострадавшим. Он приехал в Ван и развернул большую работу в обществе «Союз городов» по организации спасения армянских детей-сирот. Вот его первые впечатления от Вана:

«Мы въехали в пространство, по одну сторону которого журчал арык, а по другую стояли обглоданные пушками и пожарами развалины глинобитных жилищ.

Мой конь, сорвавшись с узды, помчался в сторону, в сады. Айва, персики и яблони роняли последние розово-белоснежные лепестки. Мой конь ворвался в такой сад. В нем бродила девочка лет пяти с вишневыми глазами. Она доверчиво подошла ко мне и сказала:

– Шамирам.

Сзади нее стояли руины дома. За ней шла кошка – они никогда не покидали руин. “Вот они, сады Семирамиды! – подумал я. – Сама – царица этих садов Шамирам встречает меня...”

Я взял ее в седло, и это был первый ребенок, которого я привез в только что организованный приют.

Богатые впечатления от увиденного и пережитого вылились у Городецкого в цикл остро публицистических художественных очерков и стихов, которые публиковались в газетах «Русское слово», «Кавказское слово», в журнале «Армянский вестник».

Неведомая и новая для поэта страна поразила его своими контрастами. Древность и красота ее пробудили в нем «счастливый трепет». С.Городецкий полюбил Армению. Полюбил ее растоптанную и разоренную, печальную и тоскующую. Он увидел «народное бедствие», людей, покинувших родные насиженные места, армян-беженцев, развалины сел, несобранный хлеб...

«Я был уже груб сердцем к тем дням от впечатлений войны, – пишет Городецкий, – но, когда горное солнце озарило беженцев, я не мог удержаться, и слезы хлынули у меня из глаз. Я вдруг понял, что значит народное бедствие. Та минута навсегда сроднила меня с Арменией, а моя служба превратилась в служение».

Весной 1916 г. по следам свежих впечатлений С.Городецкий опубликовал в «Русском слове» документально-публицистический очерк «Разоренный рай». Это первые впечатления поэта от войны – сплошные развалины армянских городов и сёл на фоне красивой природы Вана. И это было страшно. Тяжелы были человеческие страдания поэта, «причиненные человеком человеку». Для Городецкого, как и для многих прогрессивных деятелей того времени, невыносима была сама мысль, что «сотни тысяч мирных, беззащитных людей были подвергнуты людьми же неслыханным по зверству истязаниям, тончайшим пыткам тела и духа...». Первым ощущением Городецкого от армянской действительности той поры были ни с чем не сравнимые по трагизму чувства поэта: «Чувство, с которым стоишь на месте погрома, – пишет он, – ни с чем не сравнимо по горю. Непоправимое несчастье, невыносимый позор, бессильный гнев за оскорбление души человеческой – вот первые ощущения, которыми дарит Турция. На природу уже смотреть невозможно. Красоты не видишь, птиц не слышишь. А горы опять понижаются, их очертания становятся все мягче и ленивее, опять краснеют сплошные поля маков. И вдруг ярко-синим треугольным лоскутом сверкает между горами Арчак – тихое озеро.

Как мирно жили на его берегу, за оградами тополевых садов! Три тысячи было жителей. Земли было много. У кого турки отнимали земли, – тот шел на промысел к нам, в Баку. И вот все разрушено. Церковь осквернена. Семьдесят стариков и старух – все что осталось. Зато растолстевшего воронья не счесть, костей не собрать, пепла не развеять. Всюду запустение. На полях согбенные

фигуры беженцев, собирающих прошлогоднюю пшеницу: «С каждым утром тополя /Расцветают краше. /О, армянская земля, /Мученица наша! /Вот опять идет весна, /Где же дети, девы? /Гладь озерная ясна, /Где, армяне, где вы? /Горе озеро тает, /Кости в поле тлеют. /Хлеб несобранный лежит, /Новый хлеб не сеют»» («Арчак»).

Описанные С.Городецким картины – весенний цветущий пейзаж Вана, надругательства над человеком, развалины вокруг, могилы без конца – все это создавало поражающую картину: «Словно в нежных хлопьях снега, - пишет он, - или в жемчужных ожерельях, стояли сады в цвету. Красавицы-ветки всюду просовывались в развалинах, обвивали их и осыпали лепестками. Контраст зияющей смерти и разрушения с непобедимой весной был потрясающим. А смерть, не стесняясь, показывала свои язвы. Всюду на улицах лежали втоптанные в землю тряпки, остатки одежды убитых...».

Об этом Городецкий впоследствии напишет в автобиографической исповеди: «Видя нищету и разорение, собирая сирот на дорогах, где белели затоптанные в прах кости армянского народа, я начал освобождаться от империалистических иллюзий».

Потрясение Городецкого от увиденного было настолько глубоко, что «развалин жуткое зиянье» нашло отражение в его поэтическом слове, – так создавались картины страшного умерщвления жизни, омертвления цветущего города, превращенного в груды развалин: «Душа, огромная как море, /Дыша, как ветер над вулканом, /Вдыхает огненное горе /Над разоренным раем, Ваном...» («Ван»).

Русское печатное слово не только констатировало аналогичные факты немечущих от ужаса свидетелей, но и художественно осмыслило подвиги сопротивления – совместной борьбы армян и русских с врагом-варваром.

Кавалер многих орденов, командир армянской добровольческой дружины Кери погиб в неравном бою 15 мая 1916 г. Но храбрость и преданность снижали бывшему шорнику Аршаку Кюфаряну большую любовь и немеркнущую славу. Он всегда вдохновлял личным примером, смело шел в бой и вел за собой солдат, но роковая пуля сразила «печального сына печального Востока», а людям осталась лишь память о его подвигах и его вера в то, что «суровый край его родной обретет покой и увидит свет зари».

Подвиг Кери, в образе которого аккумулируются черты характера армянского народа, описан в одноименном очерке участника сражения Д.Давыдкина. Три дня и три ночи шел бой, повествует Давыдкин. Русская армия, окруженная врагом, была зажата в кольцо. Все знали, что помощи ждать неоткуда. Враг почти торжествовал победу. Но, как говорится, и из безвыходности есть выход.

Кери в сопровождении Давыдкина и вестового осматривал боевые позиции русских и отдавал приказания – «держаться во что бы то ни стало» до конца. Он задумал прорвать окружение врага. С отрядом в 50 всадников стремительным натиском он бросился на обнаруженное с фланга слабое звено противника. Турки обратились в бегство, «увозя из своего окопа пулемет». Возникла задача: отбить пулемет... Стрельба на секунду прекратилась, и Кери с криком «ура!» бросился в атаку, увлекая за собой всю дружину. Враг осыпал русских градом пуль, дружинники падали один за другим. Последний вражеский залп турецких

солдат на подходе к окопу сразил и Кери, Он упал на окопную насыпь врага, успев только вымолвить: «Товарищи, я ранен!». Эта героическая победа стоила Кери жизни. «Слишком дорогой ценой досталась нам победа, — пишет Давыдкин. — Остановившись, я нагнулся над Кери. Он лежал на спине с широко раскрытыми руками и закинутой головой. Пуля угодила в правый висок, и смерть была мгновенна». Турки отступили, перестрелка утихла и только потом, опомнившись, понял Давыдкин, «какую незаменимую потерю понесла дружина в лице этого героя... Нужно было видеть, как этот почти шестидесятилетний старик без шапки, с развевающимися седыми волосами, бежал, презирая опасность, впереди всех и своим геройским примером увлекал за собой своих дружинников. Нужно было видеть его лицо в это время, на котором было написано одно решение: победить и вырваться из когтей торжествующего врага. И это он выполнил, заплатив за победу своей жизнью. Как знать, — думал я, смотря на труп, — не бросься этот достойный старик вперед и не увлеку за собой дружины, чем кончился бы для нас всех этот день? Ведь кольцо врага было уже замкнуто». Примеры подобного героизма неоднократно проявлялись армянами и в конце XX века в Карабахской войне.

По случаю героического подвига Кери журнал «Армяне и война» (№ 4, июнь, 1916) поместил подборку под рубрикой «Безумству храбрых поем мы славу...». В публикации В.Менака сообщались некоторые сведения из биографии Кери. Военный корреспондент журнала представлял читателю «Подробности смерти Кери». В заметке «К кончине Кери» говорилось о том, что «тело павшего в бою героической смертью начальника армянской добровольческой дружины Кери после отпевания в Тифлисе, в Ванском соборе, предано земле на Ходживанском кладбище», что редакция журнала получила множество телеграмм со всех концов России с соболезнованием по поводу героической гибели Кери, что его гроб с останками провожала на кладбище многотысячная толпа. А поэт Ю.Верховский написал стихотворение «Памяти Кери»: «Век за веками живя мы страдали, /С железным терпением покорны мы судьбе./ Надеясь и веря, мы ждали, все ждали /Конца испытаньям и тяжкой борьбе».

ЛИТЕРАТУРА

1. Геноцид армян в Османской империи. II доп. издание., Ер. 1982.
2. История армянского народа с древнейших времен до наших дней / Под. ред. М.Нерсисяна. Ер., 1980.
3. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Изд. II. Пг., 1915. Т. 1.
4. Кулебякин А.П. Дверь Мехера. Отзвуки Вана, 1916.
5. «Армянский вестник». 1916. № 7.
6. Городецкий С.М. Об Армении и армянской культуре / Сост. и коммент. И.Сафразбекян. Ер., 1974.
7. Городецкий С.М. Мой путь // Советские писатели: В 2 т. Т.1. М, 1959.
8. «Армянский вестник». 1916. № 46.